

и Буш-дю-Рон. Робеспьер написал своей рукой инструкцию для комиссии, и эта инструкция вскоре послужила основанием для закона о терроре, изданного 22 прериала¹.

Через несколько дней Робеспьер развил те же принципы перед Конвентом, говоря, что до сих пор слишком бережно относились к врагам свободы, что надо упростить суды, отбросив их формальности². И чрез два дня после праздника верховного существа он внес в Конвент с согласия своих товарищей по Комитету известный закон 22 прериала (10 июня) о реорганизации Революционного трибунала. В силу этого закона трибунал делился на отделы, состоявшие каждый из трех судей и девяти присяжных. Семерых было достаточно, чтобы составить суд. Основой приговоров должны были служить те самые принципы, которые мы видели в инструкции, данной комиссии в Оранже; только в числе преступлений, за которые полагалась смертная казнь, было включено еще распространение ложных известий с целью посеять смуту или разделить народ и развращение нравов и общественной совести.

Издать такой закон значило признать полную неспособность революционного правительства. Это значило, приняв на себя личину законности, делать то же, что сделал парижский народ революционно, открыто в минуту паники и отчаяния во время сентябрьских дней. И результатом закона 22 прериала было то, что в шесть недель он помог назреть контрреволюции.

Когда Робеспьер готовил этот закон, имел ли он только в виду, как это стараются доказать некоторые историки, нанести удар тем членам Конвента, которых он считал наиболее вредными для революции? Его удаление от дел, после того как прения доказали, что Конвент не выдаст больше Комитетам ни одного из своих членов, не защищая его, придает некоторое вероятие этому предположению. Но, с другой стороны, тот факт, твердо установленный, что инструкция судебной комиссии в Оранже составлена была Робеспьером, опровергает это предположение. Гораздо вероятнее, что Робеспьер просто следовал течению минуты и что он, Кутон и Сен-Жюст в согласии со многими другими, включая сюда даже Камбона, видели в терроре оружие борьбы для всей Франции, а также и угрозу против некоторых членов Конвента. В сущности, к этому закону подходили уже со времени декретов 19 флореаля (8 мая) и 9 прериала (28 мая) «о концентрации власти».

Весьма вероятно, также, что попытка Ладмиралья убить Колло д'Эрбуа и странное дело девочки Сесилии Рено, представленное как покушение на жизнь Робеспьера, тоже побудили Конвент провести закон 22 прериала.

В конце апреля в Париже совершен был ряд краж, которые должны были пробудить озлобление роялистов. После бойни 13 апреля, в которой погибли Шометт, Гобель, вдова Демулена, вдова Эбера и 15 других, казнили д'Эпремениля, Ле-Шапелье, Туре, старика Мальзерба, защищавшего короля в его процессе, Лавуазье, великого химика и хорошего республиканца, и, наконец, сестру Людовика XVI, Елизавету, которую можно было бы освободить вместе с ее племянницей без всякой опасности для республики.

Роялисты волновались, и 7 прериала (25 мая) некий Ладмираль, писец, лет 50, пришел в Конвент с намерением убить Робеспьера. Он там заснул во время речи, произносившейся Барером, и таким образом пропустил «тирана». Тогда он пошел в дом, где жил Колло д'Эрбуа и выстрелил в Колло в то время, как он поднимался по лестнице в свою квартиру. Между ними завязалась сильная борьба, и Колло обезоружил Ладмиралья.

В тот же день молоденькая девушка, лет 20, Сесилия Рено, дочь содержателя бумажной лавочки, крайнего роялиста, пришла во двор того дома, где Робеспьер жил у плотника-подрядчика Дюпле, и потребовала свидания с Робеспьером. Ее поведение возбудило подозрение; ее арестовали и в карманах

¹ «Враги революции, — говорила инструкция, — суть те, которые какими бы то ни было способами и какими бы видимостями они ни прикрывались, стараются препятствовать ходу революции и мешать утверждению республики. Наказание за такое преступление — смерть; доказательства же, нужные для произнесения приговора, будут всякие сведения, какого бы рода они ни были, лишь бы они могли убедить разумного человека и друга свободы. Правилom при произнесении приговоров должна быть совесть судьи, освященная любовью к справедливости и к отечеству; их цель — общественное спасение и гибель врагов отечества». Присяжных не нужно, одних судей довольно. Итак, совесть судьи и «сведения какого бы то ни было рода» становились достаточным основанием для произнесения смертного приговора.

² «Хотят управлять революциями при помощи судейского крючкотворства, — писал Робеспьер. — К заговорам против республики относятся, как к процессам между частными лицами. Тирания убивает, а свобода произносит речи. И кодекс, составленный заговорщиками, является законом, по которому их судят! Чтобы казнить врагов отечества, — продолжал он, — достаточно установить их личность. Требуется не наказание, а уничтожение их».